

БЕСЕДА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Перестроить перестройку! (1987 – 1990)

Дано иное

(Из вступления к книге «Дано иное» - 1995 г.)

«Перестройка - условие жизненности нашего общества». Так, не без патетики, закончил свое вступление к знаменитому сборнику "Иного не дано" (1988 г.) его ответственный редактор Юрий Афанасьев.

Все драматические коллизии «перестройки» еще впереди. Еще всеобщепочитаем генсек Горбачев, еще рядом с ним кандидат в члены Политбюро Ельцин, не покладая рук, «совершенствующий» стиль работы московской партийной организации. Общественность и деятели демократической публицистики готовятся к XIX партконференции - подталкивают ее делегатов к дальнейшим, энергичным шагам в направлении «от тоталитаризма к демократии». «Пусть книга поможет делегатам, станет для них наказом (!), вобравшим в себя мысли и надежды значительной части советского общества", - а это из заключения издателей.

Участники сборника (а среди них - А. Сахаров, М. Гефтер, Ю. Буртин, Л. Баткин, В. Селюнин, Т. Заславская, Н. Моисеев, Л. Карпинский, Г. Попов и другие, в том числе и автор этой книги) полны надежд и какого-то боевого азарта – скорей, скорей отодвинуть общество подальше от края пропасти и – на дорогу, где гласность, демократия, достойная жизнь...

Как недавно - всего семь лет! - и как давно - целую общественную эпоху тому назад - это было!

В эти семь лет сложился в России новый общественный строй. И совсем не тот, о котором мечтали и который звали и авторы сборника, и огромные массы людей, разделявшие их идеалы.

«Иного - кроме демократии, гласности, свободы и т.д. - не дано!", - восклицали демократические публицисты в 1988 г. Оказалось - в 1995-м – дано! Принципиально иное, прямо противоположное тому, что рисовали они в своих проектах. И,

наверное, долг всех, кому дороги идеалы демократии, и в первую очередь авторов названного сборника (раз уж они так особенно энергично звали будущее) попытаться разобраться, почему же мы все, все наше российское общество, в очередной раз в истории провалились – так быстро и с таким треском. **Что** случилось, **что** построилось в результате всех наших перестроечных усилий. И – **почему**, это, а не что-то другое построилось, **почему** именно так – шиворот – навыворот – все получилось. В общем снова и снова: «Кто виноват?» и «Что делать?».

Это и есть главные вопросы предлагаемой читателю книги. В ней собраны статьи автора за последние семь лет – те из них, которые хотя и писались по горячим следам событий, но, по мнению автора, не растворились в «злобе дня», те из них, что как бы приподнимаются над повседневностью и сиюминутностью и стремятся уловить общую логику событий, вектор их исторической направленности. Не автору судить о качестве высказываемых в них суждений. Это дело читателя. Но на одну их особенность обратить внимание стоит.

Сегодня не редкость – утверждения (и надо сказать – небезосновательные), что демократы, разрушившие прежнюю систему и строившие новую, не имели ясного понятия ни о том, **что** они разрушают и **что** строят. И потому так ошеломляюще неожиданен оказался для них результат их действий: прямо по Грибоедову, - шли в комнату, попали в другую. Что и вызвало-де растерянность и панику в их рядах.

Так вот, предлагаемые читателю статьи - расположенные во временной последовательности – наглядное (хотя и далеко не единственное в нашей журналистике) свидетельство того, что отнюдь не для всех демократических публицистов подобный финал перестроек и реформ был неожиданностью.

Не задним числом, не *post factum* даются тут оценки событиям, не после социальных сражений (когда рассеивается дым и проясняются горизонты), а в ходе их предпринимаются попытки извлечения уроков.

Ну, а точность эти оценок, значимость формулируемых уроков,

степень их важности и полезности для участников поднимающейся уже новой волны демократического движения – пусть оценивает читатель.

...Конечно, личный опыт - чересчур узкая основа для широких обобщений. В нем много случайного и необязательного. И все же именно личный опыт наполняет жизненностью и особой убедительностью формулы, рождающиеся в ходе научно – теоретического анализа. Личный опыт подает человеку особо значимые для него сигналы – об общественных опасностях, о политических деятелях, - кому из них можно доверять, а к кому надо отнестись с большей настороженностью.

Мой личный опыт, связанный с историей публикации статьи «Кто виноват, что делать и какой счет?», с коллизиями, возникшими на этом пути, был для меня первым и довольно громким звонком, предупреждавшим о подводных рифах перестройки. Он заставил с определенной настороженностью, с придирчивым вниманием присматриваться к словам и делам наших главных перестройщиков там, наверху, в Кремлевских дворцах и кабинетах на Старой площади, к Горбачеву, Яковлеву и их ближайшему окружению...

Ну, это же полный идиотизм. Сделавший головокружительную карьеру на прославлении «гениального Сталина», блистательно продолживший ее на возвеличивании «дорогого Никиты Сергеевича» и беспомощной критике «культы личности», а затем - на изничтожении Хрущева и преклонении перед «глубоким умом» Леонида Ильича и его «мудрыми творениями» («Малая земля» и «Возрождение») – Петр Николаевич Федосеев, член ЦК КПСС и вице-президент Академии наук по гуманитарным дисциплинам, взошел в 1986 году на кремлевскую трибуну Всесоюзного совещания заведующих кафедрами – и начал привычным командирским давать установки, как преодолеть брежневский застой в отечественных науках и жизни, как вести перестройку, объединившись и сплотившись вокруг руководящего ядра» партии (во главе с Горбачевым и Яковлевым).

Ошарашенно смотрю по сторонам: сейчас люди закипят возмущением, вскочат и ... Но никто не вскакивает, никто не «кипит». Сидят, не шелохнувшись, слушают, помечают, как двадцать и десять лет тому назад, в своих записных книжках: это теперь надо оценивать так, а то – вот этак, этого отныне надо любить, а вот того – ненавидеть; вот этих, кого раньше хвалили, надо начать поругивать, а вот тех, кого ругали, можно потихоньку прихваливать. В общем процесс перестройки, как говорится, пошел...

Да нет, ну как же такое может быть, как можно терпеть такое? Скорее в Ленинку, все другие дела - побоку. Вот они федосеевские фолианты 30-х, 40-х, 50-х, 60-х, 70-х годов. Надо же объяснить общественности и нашим перестроечным лидерам, если Федосеевы поведут перестройку – ей конец.

Да какое же это наказание - читать его толстенные тома, сопоставлять абзацы из разных изданий одной и той же книги (при Хрущеве, после Хрущева, при Брежневе, после Брежнева...). Но что делать, нужны ведь не общие слова, но факты, цитаты. И потом – подарить скрупулезно выписанный портрет согражданам, дабы они, подобно мне, воскликнули: «Да, что же это за чертовщина такая? Да кто же это так самоуверенно идет впереди всех нас « в белом венчике из роз?». Ну, и вообще надо начать серьезный разговор о том, – как, действительно, надо перестраивать систему нашего научного развития, как правильно построить взаимоотношения науки с политикой, а ученых - с политиками. Будет ли в конце концов наука факелом, освещающим путь в будущее, или так и останется послушной служанкой политики и политиков.

Скорей, скорей - способствовать тому, чтобы не был в очередной раз упущен подвертывающийся для России исторический шанс.

Бакланов (главный редактор) берется печатать статью в "Знамени». И вдруг – отбой. Через Юрия Карякина (специально ездившего к Бакланову с целью ускорить публикацию) передает: "Был звонок с самого-самого верха; не спрашивайте ни имен, ни

причин – все равно не скажу. Ослушаться не могу: от публикации, к сожалению, придется отказаться». У Ананьева в «Октябре» – та же картина. Уже практически начали печатать тираж. Но грозные звонки с партийно-идеологических вершин - и коммунист Ананьев вынужден подчиниться партийному приказу. Нашлась коса и на самоуверенного Коротича. Уж «Огонек»-то, кажется, мог в те поры печатать что угодно. Но и тут высочайший запрет. И кто звонил-то – сам Александр Николаевич Яковлев. (Лично!). Вот так пассаж! Только, ведь, вчера я слушал Александра Николаевича у нас, в Академии общественных наук. Сколько гордости и искренности было в той запомнившейся мне фразе, произнесенной им с милым вологодским «оканьем»: «Я за всю свою жизнь не запретил, не снял ни одной статьи", как славно; как вкусно это было сказано. Ну просто потрясающе: столько лет работать зам. зав. отделом пропаганды в брежневском ЦК –отделе, славившемся своим особым умением душить «прекрасные порывы» научно-творческой интеллигенции, участвовать, повторяю, столько лет в руководстве этого отдела - и не запретить, не снять ни одной (!) статьи!

И вот на тебе. Такую идиллию мой «Федосеев» порушил. Теперь уже повторение той потрясающе-прекрасной фразы становится невозможным: одну статью он все-таки снял (уж я-то теперь это точно знаю!)

Впрочем, что это я за Александра Николаевича решаю? Постойте, да разве он снял мою статью? Ее же сняли Коротич, Ананьев, Бакланов. Он просто позвонил. Ну, и что, что он член всемогущего Политбюро, второй человек в партии, и первый – в ее идеологическом аппарате? Он просто в частном разговоре высказал свое сугубо личное мнение. Снимали редакторы. Он не снимал. Да, не снимал. Ни одной! За всю свою жизнь!

Так что, если сегодня вы услышите, как Александр Николаевич Яковлев, «министр пропаганды» брежневских времен, глава идеологического ведомства горбачевской эпохи, рулевой пропагандистской машины ельцинской команды, лидер

новой политической партии (созданной с помощью и на базе нынешних чиновно-властных структур), готовящийся, по видимому, к занятию руководящего идеологического кресла и в постельщинской России, если вы сегодня услышите, как Александр Николаевич повторяет с тем же милым вологодским произношением ту знаменитую фразу, знайте, что это – очередная... суцая правда. И я (наверняка, в числе многих и многих) готов свидетельствовать в этом. И горбачевские помощники решительно перекрывали все каналы движения моей статьи к читателю. Грозили руководству Академии, где я работал, а те, в свою очередь, – мне. Запросили все мои (не федосеевские, мои!) статьи и книги – на предмет компромата. В общем «своего человечка» защищали, как могли.

Не уступил высокому давлению только Юрий Афанасьев. Не перевелись еще мужчины в нашем политическом мире! Когда ему в высокой инстанции было сказано: разрешаем печатать в «Иного не дано» все, кроме статьи о Федосееве, Юрий Николаевич презрительно развернулся, и, переговорив с участниками сборника - А.Д. Сахаровым, М.Я.Гефтером, Л.В.Карпинским и некоторыми другими, сделал заявление: или вы печатаете все, или мы все снимаем свои статьи и рассказываем обо всем общественности. Мужского разговора, как правило, не выдерживали высокопоставленные партийные боссы.

Статья вышла. Федосеев подал в отставку. Я расстался с местом своей работы.

Такой вот небольшой личный опыт, приобретенный мной в самые первые годы перестройки.

Честно скажу, после того, как Александр Николаевич возглавил нынешнее «Останкино» и создал из части современной правящей номенклатуры политическую партию, у меня появилось в духе «федосеевской» статьи написать и портрет самого Александра Николаевича в «революционном развитии». А потом подумал: а зачем рисовать два почти одинаковых портрета. Просто, – посвящаю статью о Федосееве его другу и соратнику Александру Николаевичу Яковлеву.

Когда я прочитал все это моему давнему (с «новомировских» времен) другу Юрию Буртину, то он обратил внимание на еще один факт, тоже несколько смазывающий впечатление от той красивой фразы Александра Николаевича.

Из своего обширного новомировского архива он извлек небольшое письмецо от 30 апреля 1966 года с грифом Центрального комитета партии и подписанное зав. отделом культуры ЦК В.Шауро и зам.зав.отделом пропаганды и агитации **А.Яковлевым**. В нем отмечается, что редакция «Нового мира» не прислушалась к критике напечатанной в журнале статьи В.Кардина «Легенды и факты», в которой автор опровергал некоторые легенды официальной советской истории. «Как информирует Главлит, говорится в письме, она (редакция - Г.В.) подготовила для четвертого номера редакционную статью, в которой продолжает полемику, отстаивая свою линию на вскрытие «подлинной правды истории». Отделы культуры, пропаганды и агитации ЦК КПСС, ознакомившись с существом дела, пришли к заключению, что продолжение полемики не может принести пользы...

Руководителям журнала «Новый мир» (т.т. Твардовскому, Дементьеву, Кондратовичу) было рекомендовано редакционную статью из четвертого номера **снять**. Однако они настаивают на ее публикации. Отделы считают нецелесообразной публикацию указанной статьи».

В результате статья была запрещена, а на документе появилась итоговая запись А.Н.Яковлева: «Вопрос решен в оперативном порядке». «Могу еще показать несколько писем аналогичного содержания того же автора», – сказал Ю.Буртин и потянулся к архивным папкам. «Пока достаточно», – остановил его я.)

«Своим человечкам» архитекторы перестройки радели полной мерой. Прошедшие огонь и воду номенклатурных структур, постоянно колебавшиеся вместе с линией партии, с легкостью «гуттаперчевых мальчиков», переворачивающиеся на 90, 180, 360 градусов – на столько, на сколько нужно последнему руководителю, они кучковались вокруг благосклонного к ним

Горбачева, все активнее – с его помощью – заполняя основные ступени перестроечной лестницы.

Они были послушны и очень удобны для «вождей»: не спорили, не задавали нескромных вопросов, не бросались в самостоятельный поиск. Ими легко (и приятно!) было управлять (точнее – манипулировать). А с их помощью можно было приступать уже к манипуляциям на более широких социальных пространствах, с миллионами простодушных и легковерных россиян.

Кто будет определять лицо реформ – люди идеи, люди общественных интересов или люди карьеры; люди общественного долга, живущие одной жизнью, одним чувством, одними целями со своими согражданами, или люди номенклатурного братства – собственно, этот вопрос и был главным на заре перестройки. Он и стоит в центре моей статьи из сборника «Иного не дано». Тогда, в 1987 году, жизнь не давала еще ответа на этот вопрос. «Все решит борьба!» – так, с надеждой и тревогой одновременно, заканчивалась эта статья.

Ход последующей борьбы, однако, не давал поводов для слишком большого оптимизма. Все очевиднее выявлялся недемократизм идеологических и политических ориентиров лидеров перестроечной команды.

Удивительной, например, была концепция гласности и плюрализма, поименованная Горбачевым «социалистическим плюрализмом», – согласно которой допускалось «многообразие мнений в рамках социалистической идеологической традиции». Об этой свободе «в рамках» (определяемых, естественно, номенклатурным сословием и его вождями из Политбюро), в частности, - в статье «Ленин и Сталин».

О политической платформе команды Горбачева (изложенной в проекте новой Программы КПСС) - в статье «Момент выбора: демократия или бюрократия» (июнь 1990 г.). В ней констатируется, что горбачевское руководство и КПСС - более не способны направлять развитие страны по демократическому руслу и что **перестройку надо перестраивать.**

Кто виноват, что делать и какой счет? (из сборника «Иного не дано», 1988 г.)

Какой-то острослов заметил, что именно эти три вопроса, вынесенные в заголовок, волнуют отечественного интеллигента конца XX столетия,— в отличие от русского интеллигента XIX века, мучившегося лишь над первыми двумя. В добавлении третьего вопроса — довольно злая, но в чем-то справедливая ирония, отражающая усталость части нашей интеллигенции от двух первых вопросов, от которых только пухнет голова да бегут по спине мурашки, а вера в возможность их теоретического и тем более практического решения ослабевает. И тогда-то в усталом от роковых вопросов мозгу все большее место начинают занимать размышления о футбольных или хоккейных баталиях: какой там счет? И материал для работы мысли есть, и на душе спокойно.

Но ныне время круто сменило свой ход — оно начало отсчитывать минуты революционной перестройки. Вопросы «кто виноват?» и «что делать?» вновь перестали быть академическими, кабинетными вопросами, вопросами «для себя», «для писания в стол». Они вновь становятся предметом широкого общественного внимания и немедленного социального действия. И вот теперь в этом новом, современном контексте и третий вопрос не выглядит лишним. Он просто утрачивает свой иронический подтекст и отражает новое и глубокое содержание: какой счет сегодня в борьбе сил новаторства и консерватизма, прогресса и реакции, развития и торможения, какой счет побед и поражений сил революции и застоя.

Кто виноват?

Успехи сегодняшних перемен зависят от многого, и в значительной степени — от общественной науки, от ее способности вести стратегию перестройки, от ее умения дать ясный ответ на вопросы: что перестраивается, почему перестраивается, во что перестраивается и почему этот процесс является революционным?

Между тем общественная наука пока эту функцию по-

настоящему не выполняла, серьезно отставая от процессов жизни. В чем причина этого — кто виноват? Как ей двигаться дальше — что делать? Обобщенный краткий ответ, который сегодня можно встретить в различных изданиях, гласит: Кто виноват? — Догматизм, отрыв от действительности. Что делать? — Творчески развивать теорию.

Как будто бы верно. Да что там «как будто», просто очевидно. Разве догматизма, отрыва от действительности не было? Было, еще как было! И разве это было на самом деле хорошо? Нет, плохо, очень плохо! И разве творческое развитие теории не нужно? Нужно, крайне нужно! Ну, так вот мы и получили ключик к преодолению бед нашей общественной науки, ключик к пониманию того, кто виноват и что делать.

Однако в этой-то очевидности ответов и заключается вся заковыка. Неужели раньше все это трудно было понять? Неужели раньше кто-нибудь говорил или думал, что догматизм и отрыв от действительности — это хорошо, а смелое творческое развитие теории не нужно? Нет, так никто никогда не говорил и не думал. Но если все это хорошо понимали всегда, а теория тем не менее буксовала, значит, это не ключик, ибо он ничего не открывает, значит, эта формула не разъясняет, кто действительно виноват и что на самом деле делать?

И имеющийся исторический опыт вполне подтверждает основательность нашего скепсиса по поводу объяснительной способности указанной формулы.

Так, в «установочном» для обществоведов докладе 28 апреля 1956 года — вскоре после XX съезда, начавшего серьезную перестройку всей нашей тогдашней жизни, - член-корреспондент АН СССР (с 1946 года) Петр Николаевич Федосеев впервые предложил эту формулу преодоления серьезного отставания общественной науки: «...Необходимо повести решительную борьбу с догматизмом и начетничеством, против отрыва от жизни, сосредоточить усилия на творческой, самостоятельной разработке актуальных вопросов общественной науки».

Иначе говоря: Кто виноват? — Догматизм. Что делать? — Творчески развивать теорию.

А через десяток лет — после известных политических изменений 1964 года, когда из этой задачи мало что получилось, П. Н. Федосеев, ставший, кстати, тем временем уже академиком (в 1960 году), в своих новых «установочных» докладах вновь твердо заявлял: Кто виноват, что не получилось? — Догматизм, схоластика. Что делать? — Творчески развивать теорию.

А еще через десяток-другой лет, после XXVII съезда, когда выяснилось, что и на этот раз задачу реализовать не удалось, в очередном «установочном» материале уже вице-президент АН СССР по общественным наукам П.Н. Федосеев в очередной раз повторил известную нам такую правильную и такую очевидную формулу.

И уже с некоторой опаской ждешь статьи П. Н. Федосеева в каком-нибудь 1990 году: «Ничего не получилось», «Кто виноват? — Догматизм», «Что делать? — Творчески развивать теорию».

Стоит всерьез задуматься над причинами отставания общественных наук, стоит всерьез определить, что делать, дабы в 1990 году появились статьи более оптимистического содержания. Не будем заниматься прожектерством, административно-схоластическими рекомендациями, как надо делать, чтобы все пошло хорошо. Ибо сила и точность подобных прожектов и рекомендаций может быть установлена лишь после испытания их на практике, через какое-то количество лет. А мы и ждать не можем, да и рекомендации эти должны вырабатываться иначе. Их надо извлекать не из головы (как это делал когда-то чемпион всех времен и народов по схоластике и прожектерству Евгений Дюринг), а, как настоятельно советовал Фридрих Энгельс, при помощи головы из практического опыта истории. К истории наших перестроек и их урокам, к анализу судьбы указанных выше «очевидных», но почему-то плохо поддававшихся реализации формул мы и обратимся.

А путеводной нитью в этом путешествии по дорогам исторического опыта нам послужат «установочные» доклады и

прочие работы Петра Николаевича Федосеева, человека, вот уже несколько десятилетий стоящего у штурвала нашей общественной науки.

Итак, перед нами выступления П. Н. Федосеева эпохи перестройки на рубеже 50—60-х годов:

доклад на Всесоюзном координационном совещании по вопросам философии 28 апреля 1956 года «XX съезд КПСС и преодоление недостатков в научной работе по философии»,

написанная вскоре после XX съезда статья «О связи философии и политики»,

доклад «XXII съезд КПСС и задачи научно-исследовательской работы в области философии».

Общая схема рассуждений автора такова. Вначале называются «недостатки» (после XX съезда, сказавшего людям немало горьких и правдивых слов, это сделать, разумеется, было нетрудно): «догматизм», «отрыв от жизни», «лакировка действительности», «затушевывание трудностей», «потеря вкуса к изучению живой действительности», «забвение роли практики как верховного критерия истины», неумение применять общие положения к конкретной действительности, «цитатничество» как результат «преклонения перед отдельными авторитетами...». И затем ставится задача эти недостатки «преодолеть», то есть не «лакировать», не «затушевывать» и т. д.

В этой-то схеме, думается нам, и лежит зародыш будущих неудач в решении задачи «преодоления», ибо здесь только по видимости присутствует ответ на вопрос «что делать?».

В действительности же никакого ответа тут нет. Ну, что реально могут дать призывы: «не лакировать!», «не затушевывать!» и т.д.? Как будто бы прежде ученые не догадывались, что все это — плохо, и вследствие этого - «лакировали», а вот теперь из выступлений П. Н. Федосеева впервые узнали, что это — плохо, и решили перестроиться! Как будто бы прежде не призывали быть «лицом к действительности», «не отрываться» от нее! Задача, следовательно, и состояла в том, чтобы объяснить, почему эти хорошие и ясные для всех призывы повисали в воздухе. Ведь дело

было вовсе не в незнании, что такое хорошо и что такое плохо. Главные причины лежали вообще не в сфере знания как такового. Ну, в самом деле. Вот Вы, Петр Николаевич, полагая, что вскрываете причины негативных явлений в философской науке, писали в том смысле, что некоторые ученые, «не умея творчески применять диалектический материализм к живому и вечно развивающемуся естественнонаучному материалу... доходили до прямого отрицания величайших достижений теории относительности, квантовой механики и других научных направлений (Вы, конечно же, имеете в виду генетику и кибернетику, - Г. В.) и тем самым тормозили развитие философской мысли». В общем, выходило, философии надо немного бы подучиться «применять», «сменить «неумение» на «умение» — и дело пойдет, и генетике с кибернетикой все дороги откроются. Но, ведь, Петр Николаевич, если серьезно-то посмотреть, разве в неумении дело было? Ну да, Лысенко «не умел», но Вавилов-то «умел»! Но почему-то «неумелые» шли в гору, а «умелые» — сами знаете куда. Вот какие «недостатки» требовалось объяснить и «преодолеть».

Или Вы называете такую причину отставания философии как «потеря вкуса» к изучению живой жизни и убеждаете ученых повернуться лицом к действительности. Но, Петр Николаевич, Вы же прекрасно знали, что вкус этот не «теряли», его **отбивали**. Ведь Вы же сами некоторое время спустя, в 1962 году, уже после XXII съезда, и, по-видимому, под очень сильным давлением общественного мнения публично признали, что было время, когда «глушилась творческая мысль», «незаслуженно избивали и чернили многих работников науки». Последнее выражение, правда, немного странное: как будто «заслуженно» можно «избивать и чернить». Но суть все же ясна: люди «не теряли» — у них **отбивали** вкус к творчеству и к живой действительности. Вот об этом «механизме» отбивания, об этой ненормальной для науки атмосфере и следовало бы поговорить поподробней и поосновательней в самом начале обновления, сразу после XX съезда партии.

Это-то и должно быть главным пунктом, центром анализа причин тяжелого состояния науки. И такой анализ ясно показал бы, что вся беда не в «догматизме» и лакировке как таковых, а в «догматизме» и «лакировке», *поддерживаемых методами административного и политического насилия*, иначе говоря — в **бюрократизации науки**.

Беда - в возникновении такой атмосферы, в которой наука просто не может дышать. «Догматизм», «лакировка» и проч. не страшны, если у их оппонентов имеется возможность свободно и публично отвечать, аргументировать, развивать свои взгляды. В вольном воздухе науки «догматизму» не удержаться.

Что взывать к тому, чтобы ученые ничего не «затушевывали», ничего не «лакировали», шли к «живой жизни»! Да сломать «механизм отбивания» — и подавляющее большинство ученых без всяких призывов ринется к «живой жизни». Не надо соловья обучать пению. Клетку открыть, окно распахнуть — и он сам сядет на зеленую веточку и запоет на воле так, как нам и не снилось: ведь прекрасное пение - это способ его существования (конечно, в нормальных условиях, а не в кошачьих лапах.)

Итак, вот важный урок опыта той перестройки: не в области мысли, не в сфере чистого знания, не в распространении ошибочных научных идей надо искать главные причины научного застоя, а прежде всего в той **общественной атмосфере**, в которой существовала наука.

Перестройку следует начинать с создания такой атмосферы, в которой новые идеи смогут свободно существовать, развиваться, конкурировать со старыми и в силу своей новизны и жизненности побивать их.

Если не поняты закономерности, способы, особенности работы «механизма отбивания» или «механизма торможения», если сам этот механизм оставляется, по сути дела, без изменения, то самые хорошие слова мало что будут значить.

Слова будут звать в одну сторону, а механизм — двигать дело в другую. Наука будет буксовать на месте.

Неоткрытый порок, неустановленная болезнь будут продолжать подтачивать организм научной жизни — какие бы пожелания и стремления ни высказывали руководящие научные деятели.

Ваши призывы, Петр Николаевич, потому и повисали в воздухе, что они не связывались с необходимостью изменения всей атмосферы научной жизни, со сломом «механизма отбивания», с задачей уничтожения мелочной бюрократической регламентации. И получалась парадоксальная ситуация: слова Вы говорили новые, а действовали по-старому, в соответствии с логикой прежнего механизма, мелочно и дотошно регламентировавшего всю научную жизнь.

Вспомните, к примеру, как реагировали Вы, Петр Николаевич, на научный поиск, который после XX съезда партии повели многие обществоведы, на их стремление поглубже, поосновательней разобраться в явлении, которое получило название «культы личности», на их попытки заново, глазами без шор, прочесть Маркса, Ленина, Гегеля, пересмотреть интерпретацию, которую в 30—40-х годах давали важнейшим положениям диалектического и исторического материализма. Вы в добром старом духе стремились уложить этот поиск в жесткое и узкое русло «установочных» предписаний и регламентаций. Так, Вы дали свое объяснение «культу личности» и тут же назвали тех, кто это явление пытается объяснить иначе, «гнилыми, чуждыми элементами», которые не останавливаются «перед извращением исторических фактов» и «пытаются под флагом критики культуры личности огульно охаивать и отрицать достижения советского народа в хозяйственном и культурном строительстве». Вот ведь как: еще не открыты архивы, проливающие свет на тот период, еще только-только наука пробует нащупать верные подходы к его оценке, еще научная-то дискуссия по-настоящему не началась (всего несколько месяцев прошло после XX съезда, приоткрывшего самую возможность объективного анализа прошлого), а у Вас уже и «установочный» ответ готов, и новый грозный ярлык уже отштампован, который и будет теперь дамокловым мечом висеть над каждым, кто попытается отклониться от Ваших установочных

формул (я пока не говорю об уровне и качестве Вашего объяснения — об этом разговор ниже, я лишь только обращаю внимание на методологию и стиль Вашего «руководства» научным процессом).

Далее Вы пытаетесь обучить философскую общественность тому, как сегодня по-новому, правильно надо истолковывать важные положения диалектического и исторического материализма. Вы даже не помышляете о какой-либо научной дискуссии на сей счет. Вы и тут просто начинаете давать «установки»: к социалистам-утопистам и гегелевской философии прежде относились так-то, а теперь надо по-другому, закон отрицания отрицания ранее недооценивался и часто не упоминался, теперь надо упоминать и оценивать должным образом, механизм смены надстройки понимался так-то, теперь надо иначе и т. д. и т. п.— на десятке страниц. Я снова не касаюсь пока конкретного содержания и научного уровня этих новых установок, речь в данном случае идет о самих принципах «руководства» наукой. А суть этих «принципов», как видим, такова: вместо системы старых догм навязывается (под угрозой наклеивания ярлыков) система новых догм. Только и всего!

Но, Петр Николаевич, с помощью нового догматизма можно победить старый, но нельзя победить догматизм как таковой. Нельзя бюрократически бороться с бюрократизмом. Нельзя демократизацию осуществить административно-репрессивными методами. Невозможно грозными предписаниями развивать самостоятельность и самодеятельность людей. Обновление, таким образом, коснулось лишь поверхности. Глубинных пластов оно не задевало. На смену старому механизму бюрократического торможения приходит новый, модернизированный. Так, стоит ли удивляться, что к 1964 году этот механизм не только не исчез, но и в чем-то даже усовершенствовался: стал погубче, принарядился в более привлекательные словесные одежды — так что не сразу и раскусишь, что это то же тормозящее устройство. Конечно, благодаря прорыву, который осуществил XX съезд, подъему народной инициативы и активности, росту процессов демократизации удалось продвинуться вперед на многих участках

общественной жизни. Сила народного порыва, разбуженного высшим форумом партии, была столь велика, что тормозящие устройства не могли сдержать его — они отступали. Но, увы, не исчезали и постепенно вновь, шаг за шагом набирали свою силу и усиливали тормозящий эффект. Это были механизмы не только научного торможения, но общественного торможения вообще. Перед общественной наукой все яснее вырисовывалась задача их глубинного осмысления. А общественное мнение все решительнее связывало все эти сковывающие развитие моменты с «культом личности», который как раз и был не чем иным, как механизмом социального торможения тридцатых — сороковых и начала пятидесятых годов. Перед отечественной наукой и выросла одна из главных задач — дать анализ того явления, которое получило обозначение как «культ личности». В этой обстановке, естественно, Вы, Петр Николаевич, не могли обойти эту задачу. Это объяснение было бы ключом ко всему. Было бы... в случае точного объяснения и глубокого анализа. Однако Ваш анализ, Петр Николаевич, оказался разочаровывающим.

Вот Ваше исходное положение: «культ личности, — пишете Вы,— ставит того или иного деятеля над партией и народом, приписывает ему чудодейственные свойства, превращает его в творца истории, вершителя исторических событий и судеб народов. Такие представления в течение многих лет распространялись об И.В. Сталине». Откуда такая неопределенность в важнейшем вопросе? Как это «культ личности ставит» и т. д.? У Вас хотят узнать, как это получается, что некая личность превращается в «вершителя судеб», от Вас ждут разъяснений этого странного механизма, обеспечивающего — в социалистической стране! — обожествление одного и принижение всех других. А Вы отвечаете: культ личности ставит и т. д. Да что за мистическая сила этот «культ личности», способный кого-то «ставить» туда или сюда?! Эту весьма странную формулировку можно было бы отнести на счет погрешности стиля, но, думается, что тут не погрешность, не случайная стилистическая неряшливость, а сознательно используемая неопределенность

выражения. Ведь обратите внимание, что и в самом конце приведенного пассажа — тот же стилистический прием: такие представления «распространялись» об И. В. Сталине. То есть как это «распространялись»? Сами собой, что ли? Возникали вдруг где-то некие «представления» и начинали «распространяться», как дорожная пыль под воздействием ветра. Так, что ли?

Не бывает такого с «представлениями», Петр Николаевич. И потому вполне резонно будет спросить: ну, а кем все-таки конкретно «распространялись» эти «представления»? Ну что же о главном-то умалчивается?

Впрочем, эта неопределенность, касающаяся причин и корней «культы личности», по-видимому, беспокоила и Вас, Петр Николаевич. Она ведь давала читателям простор для всяких (в том числе и «нежелательных», «гнилых» - пользуясь Вашей лексикой) размышлений на сей счет. И Вы предпринимаете попытку дать более конкретный, более определенный ответ на вышеназванные вопросы. Результат оказывается весьма и весьма любопытным.

Начинаете Вы с констатации существования «враждебного капиталистического окружения», ожесточенной борьбы с империализмом, «острейшей классовой борьбы с остатками эксплуататорских классов» в стране, что по необходимости, как Вы считаете, приводило к «усилению централизации управления» и «суживанию рамок демократии»; и далее отмечаете, что с другой стороны, успехи борьбы в этих трудных условиях связываются в массовом сознании обычно с личностью вождя.

Так что же, это — причины «культы личности»: враждебное окружение, острая социальная борьба, ведущая к сужению демократии и усилению централизма и т. д.? Признать это означало бы, конечно, не объяснить, а оправдать «культ личности», представить его как необходимое и неизбежное следствие «объективных условий», это означало бы открыто выступить против решений XX съезда. И потому, естественно, Вы специально оговариваете: «Это не означает, конечно, что вышеуказанные объективные предпосылки с необходимостью ведут к культу вождей, стоящих во главе движения». Итак, это не причина, а некие

«предпосылки» Ну, а в чем же, наконец, причина-то? Внимание! Мы, кажется, подходим к самому главному.

Дело, оказывается, «в огромной мере» в «индивидуальных отрицательных качествах» личности. В таких, как «властолюбие, увлечение администрированием, грубость, нетерпимость», «капризность»; «злоупотребление доверием и уважением масс со стороны отдельного руководителя — это главный корень распространения чуждого марксизму-ленинизму культа личности». И самый главный вывод: «При всем этом нельзя не видеть того, что ответственность за распространение культа того или иного деятеля, сложившегося при его жизни, лежит на самом этом деятеле».

Действительно, никакой неопределенности, никакой двусмысленности: причина «культа личности» в огромной мере — в индивидуальных качествах самой этой личности, она и несет в первую очередь всю полноту ответственности за сложившуюся в обществе ситуацию. Ну, а если быть последовательным, то что из этого следует? А то, что, собственно, что-то переделывать и перестраивать незачем. Ведь «злоупотребившая доверием» личность уже ушла из этого мира и вместе со своими «индивидуальными качествами» унесла с собой все причины печального явления и всю ответственность за него. Перестраивать, таким образом, нечего и спрашивать не с кого.

А поскольку не смену той личности пришла другая с как будто бы более симпатичными «индивидуальными качествами», то все плохое теперь позади, и Вы уже предлагаете забыть это прошлое, в котором незачем-де ковыряться, ибо это послужит только врагам. Вы требуете смотреть в сегодняшний и завтрашний день, которые так прекрасны. И Вы просто не находите слов, чтобы обрисовать эти радужные перемены, происходящие благодаря новому политическому руководству «во главе с товарищем Н.С. Хрущевым»: и «морально-политическое единство народа поднимается на новую ступень», и «осуществление ленинских принципов партийного и государственного строительства» происходит, и «упрочение неразрывных связей партии с массами» налицо, и решаются «задачи технического прогресса во всех

отраслях промышленности», и «на основе успехов в развитии промышленности и сельского хозяйства растет материальное благосостояние трудящихся»; не забыто, между прочим, и «расширение посевов кукурузы» как важный символ перемен. Это писалось в 1956 году, всего через несколько месяцев после XX съезда партии. А к 1962 году Ваша восторженность уже переходит все пределы: «Успехи социализма, достигнутые со времени XX съезда КПСС, поистине величественны»: «принципиально новые теоретические положения и политические установки, выработанные XX и XXI съездами партии, уже получили всестороннюю (?!) проверку и полностью (?!) подтвердились всемирной практикой борьбы за мир и социализм» и т. д. и т. п. без конца и без краю. И все это — всего три — шесть лет спустя после названных съездов и за два года до Октябрьского пленума ЦК 1964 года, когда все мы перестали быть « во главе с Н.С. Хрущевым» и когда было поведено стране о тяжелом положении ее экономики и о политических бедах субъективизма и волюнтаризма (как стала именоваться линия Н.С. Хрущева).

Ну, что же, Петр Николаевич, опять руководящая личность оказалась отягощенной какими-то отрицательными индивидуальными чертам? И опять можно облегченно вздохнуть, заметив, что вместе с этой личностью ушли на пенсию и ее несимпатичные черты, эта первопричина всех бед, согласно Вашей концепции? А время ли для облегченных вздохов — а ну, как следующая-то «личность» да опять с какими-то изъянами в характере окажется, уж не к генетикам ли на поклон идти: пусть над генетическими кодами «личности» поколдуют, коли судьбы десятков миллионов от этих личностей зависят. Но, согласитесь, надежда на хороший характер — несколько зыбкая основа для устойчивого и планового социалистического развития.

А может быть, дело немного в другом? Может быть, суть явления «культы личности» далеко не в том, что одного человека над другими поднимают, а в том, что какая-то более или менее многочисленная группа людей над всеми другими оказывается? И потому, может быть, не очень многое изменится, если дело

сведется просто к замене одного, самого видного из этой группы, человека? Может, поэтому и название «культ личности» не проясняет, а затемняет дело: как-то фокусирует внимание на одной личности и на ее обожествлении, тогда как дело в группе личностей и в их экономических, политических и социальных привилегиях?

Вот почему, Петр Николаевич, так важен следующий вопрос. Помните, мы уже упоминали о Вашем высказывании, что вот-де в прежнее время «распространялись представления» о чудодейственности и абсолютной непогрешимости И.В. Сталина. И мы сказали в том смысле, что представления не «распространяются», а их распространяют. Вы как-то тогда не переводили разговор в эту плоскость. А это необходимо, если действительно желать перестройки. Надо обязательно ответить на вопрос — кто и почему их распространял.

Я знаю, что обычно, когда так ставится вопрос, раздаются голоса: «Да зачем это? Зачем жаждать мести, желать крови, стремиться к сведению счетов?» и т. д. Но почему — мести? Почему обязательно «крови»? Видимо, восклицаящие подобным образом о других судят по себе, по-видимому, они не представляют себе анализ уроков прошлого иначе, чем месть или расправу. Припоминается, как в 1957 году снятый со своих высоких постов Л.М. Каганович, по известному свидетельству Н.С. Хрущева, звонил последнему по телефону и просил не расправляться с ним, как это делалось прежде, то есть как расправлялся с другими когда-то сам Каганович. Назвать — кто распространял, нужно даже не для того, чтобы кого-то морально «скомпрометировать» и затем «отстранить», а для того, чтобы действительно всем из прошлого извлечь уроки, сделать их зримыми, в том числе и для этих «распространителей», если они действительно хотят вместе со всеми участвовать в перестройке — о перестройке общественных отношений и самих себя. Ведь речь идет не просто о конкретных людях, но о носителях прежних отношений, прежних методов и способов мышления и действия. Нужен анализ (и самоанализ) их именно в этом качестве — нужно действительно извлечение

уроков из прошлого. Смогут люди осуществить эту самокритику, начнут выдавливать из себя по капельке свою наднародность — перестройка их примет. Но это должен быть разговор на пределе искренности и откровенности, другой — просто неприемлем, ибо речь идет не о сбрасывании листьев, но о выкорчевывании корней. Останутся корешки — и со временем вновь поднимутся джунгли бюрократизма.

Надо же понять, надо же ясно сказать, что те, кто создавал и распространял, кто вбивал в головы других людей указанные выше «представления», делал это не просто из большой любви к какой-то «личности», но потому, что этот режим непогрешимости Авторитета работал и на авторитет «распространителей»: они были как бы целое с этим Авторитетом, они были его апостолами, его соколами, они создавали эту силу и сами были ее частью.

Повторяю: тут нельзя ловчить, сваливая всю ответственность на одну Личность. Это губительно для будущего, для дела перестройки.

То, что не в одной Личности дело, ясно демонстрируется и фактами той далекой перестройки 50-х годов. Ну, вот, например, в духе присущей Вам, Петр Николаевич, методологии Вы говорили в своем очередном установочном докладе после XXII съезда в 1962 году: в прежние годы «одним человеком была присвоена роль единственного и непререкаемого научного авторитета».

Неубедительность этого тезиса ну просто бросается в паза. Если бы в то время можно было бы публично задавать Вам нескромные вопросы, Вас, наверное, спросили бы: как же это ему удалось «присвоить» подобную роль, что же другие-то смотрели, что же другие-то, которые получше, поскромнее и т. п., не «присвоили» себе такой роли? Да потому, Петр Николаевич, что в одиночку этот человек ничего присвоить себе не смог бы, он мог это сделать только с другими людьми — они-то и помогли ему «присвоить» эту роль, они «присвоили ее ему».

Ну, в самом деле, вот Вы с глубокой гражданской скорбью пишете о громадном ущербе, который нанесла делу развития философии работа этой обожествленной Личности «О

диалектическом и историческом материализме»: в этой работе обедняется-де материалистическая диалектика, которая сводится-де к четырем чертам диалектического метода и трем чертам материализма. « Эта небольшая популярная работа, — продолжаете Вы, — представлявшая собой краткое изложение общеизвестных положений диалектического и исторического материализма, не могла служить примером дальнейшего развития марксистско-ленинской философии».

Но, Петр Николаевич, давайте вместе припомним, кто ее примером-то сделал? Кто это писал: «В гениальной работе товарища Сталина «О диалектическом и историческом материализме» обобщено все то величайшее теоретическое богатство, которое создано марксистско-ленинской философией со времени появления «Коммунистического Манифеста», и обогащено новыми выводами о законах общественного развития, о законах борьбы за коммунизм в современную эпоху»? Это можно прочесть на 31-й странице брошюры 1948 года издания «Манифест Коммунистической партии» Маркса и Энгельса и материалистическое понимание истории». Мне очень неловко писать об этом, Петр Николаевич, но автором этой брошюры является «член-корр. АН СССР П.Н. Федосеев».

Или другая «установка», данная Вами после XXII съезда партии: «Сталин внес путаницу и в понимание соответствия производительных сил и производственных отношений», а именно: «Сталин выдвинул тезис о том, что у нас установилось полное соответствие между производительными силами и производственными отношениями». И снова: «Сталин внес», — он виноват, он ответствен, он один и т. д. Но, простите, ведь в истории столько «путаниц» вносилось столькими людьми и по стольким вопросам, но люди науки эти путаницы отбрасывали, не давали засорять ими научные страницы: и путаницы эти оставались причудами отдельных людей, а не превращались в могущественные факторы общественной жизни. Согласитесь, что ответствен не только тот, кто внес путаницу, но и тот, кто понес эту путаницу людям, в массы, кто освятил эту путаницу своими высокими научными

званиями, кто понес ее в учебники и учебные лекции, кто требовал знания этой путаницы на экзаменах, в том числе на экзаменах в Высшей партийной школе, готовившей руководящие кадры, для которых усвоение этой «путаницы» было условием получения и диплома, и руководящего поста. И кто же был этот энергичный разносчик «путаницы»? Не тот ли, кто писал в прежнюю пору в работе 1948 года: «Таким образом, противоречие между производительными силами и производственными отношениями, которое, как доказано и «Коммунистическом Манифесте», является основным и неизлечимым противоречием капитализма, ведущим к его гибели, полностью ликвидировано в СССР (разрядка, естественно, моя, — Г.В.}. В результате сложилась новая историческая закономерность, которая характеризуется полным соответствием между производительными силами и производственными отношениями (моя, моя разрядка, Петр Николаевич! - Г.В.). Товарищ Сталин дал гениальное обобщение этой открытой им закономерности общественного развития, свойственной социализму».

Вот ведь как получается. Автор установочного доклада 1962 года говорит: «путаница». А автор брошюры 1948 года называет то же самое «гениальным обобщением». Кто прав? Поди разберись, если автор и той и другой работы один и тот же — да, это П.Н. Федосеев. Вот такая «гениальная путаница» получается, Петр Николаевич!

Или далее. В своем установочном докладе 1962 года Вы отмечаете изъяны, «необоснованные» положения во взглядах Сталина по вопросу о базисе и надстройке, у которого в итоге получается, по Вашему выражению, «не марксизм, а нигилизм». А вот как этот «немарксизм» Сталина в вопросах учения о надстройке характеризуется в лекции, прочитанной Вами в 1951 году слушателям Высшей партийной школы и изданной отдельной брошюрой: «Товарищ Сталин дал гениальный анализ взаимосвязи производства и надстройки, разбил вульгаризаторские взгляды по этому вопросу».

Я так привык к этой Вашей методе критики прошлого, что как только встречал в Ваших установочных работах обвинения в адрес «отдельной личности» или в адрес безымянных ученых, что-то постоянно «путавших», «вульгаризировавших», «обеднявших», «искажавших», — я всякий раз за иллюстрацией обращался к Вашим работам 40-х — начала 50-х годов и каждый раз находил соответствующие, сурово Вами критикуемые впоследствии места (критикуемые Вами, естественно, без указания источника). Так, когда я прочитывал у Вас, что в период «культы личности» принижали и искажали роль и значение философских взглядов Гегеля, я немедленно обращался к Вашим работам этого периода и быстро находил соответствующие места. Вот например: «мистифицированная диалектика Гегеля» «оправдывает гнет и эксплуатацию, бесправие народов, всю гнусность и мерзость эксплуататорского строя». Или другое, тоже запоминающееся место: «Философия Гегеля отражает систему буржуазного мировоззрения, именно мировоззрения немецкого буржуа, трусливого, консервативного, шовинистически настроенного», философия Гегеля «оправдывает» шовинистические войны: а «последователи философии Гегеля — младогегельянцы (из среды которых, как известно, вышел Л. Фейербах и к которым в молодые годы примыкали К. Маркс и Ф. Энгельс — Г. В.), изображавшие себя революционерами и притом чуть ли не самыми крайними революционерами, — на самом деле были крайними (!) реакционерами». И в таком духе вся статья о Гегеле и его учениках. Несколько десятилетий спустя — интонация у П. Н. Федосеева совсем, совсем иная: «великий диалектик» Гегель, теперь даже его отношению к войнам давалось оправдание, ибо это был «период освободительных войн», ибо «он (Гегель) жил в эпоху прогрессивных национальных войн» и т. д.

Или указывается на недооценку социалистов-утопистов, существовавшую «в прежние времена». Я, конечно же, сразу — к статьям Петра Николаевича этих «прежних времен». Да, вот, так оно и есть: «Воззрения социалистов-утопистов сводили на нет значение рабочего движения», они «пропагандировали самые

нелепые планы общественного переустройства». Ни словечка доброго! Больше того, от некоторых направлений утопического социализма XIX века прочерчиваются решительные линии в современность, к неким социал-демократическим деятелям, которых наш автор называет «литературными прохвостами» — за их утверждение, что социалистическое движение растет не из классовой борьбы, а из гуманистических моральных идей (можно, разумеется, доказывать ошибочность этого тезиса, но при чем тут «прохвосты» - один бог ведает). Итоговый вывод: «Немецкий «истинный социализм» служил немецкому абсолютизму, современные правые социалисты Германии служат американскому империализму. Такова лакейская природа врагов рабочего класса». Вот такая симпатичная «логическая» лесенка — от утопического социализма до «врагов рабочего движения»! Такая знакомая логика той далекой поры!

Могут, правда, сказать: ну, а все-таки так ли это, с точки зрения интересов дела, интересов развития науки, важно знать, что не кто-то, а именно данный ученый в такие-то времена «затушевывал», «обеднял», «недооценивал», «переоценивал» и т. д.? Если этот ученый исправился и сегодня говорит разумные вещи, так чего же больше желать. Не самое ли важное то, что он говорит сегодня? А «сегодня» (т. е. во второй половине 50-х годов) Петр Николаевич и о Гегеле высоко отзывается, и о базисе с надстройкой прежней «путаницы» не повторяет, и закон отрицания отрицания чтит, и не приходит в восторг от философских заметок прежнего Авторитета. Не это ли в конце концов главное? И почему бы не порадоваться этому?

Да чему же радоваться-то? Что не называет «гениальными» популярные (а то и просто ложные) философские высказывания Авторитета? Да после XX съезда для этого не нужно было никакой особой смелости и никакой особой проницательности. Что признает закон отрицания отрицания, отсутствие «полного соответствия» базиса и надстройки при социализме, значение диалектики Гегели и т. п.? Да это же элементарные вещи, это все равно, что «признать», что земля не на трех китах покоится.

Беда в том-то и состояла, что не были раскрыты масштабы (громадные!) отставания нашего философского знания от хода жизни, от ее действительных проблем. Критический анализ прошлого был легким и поверхностным, он шел по поверхности и касался вещей второстепенных. Творцы этого «критического анализа» как бы спешили дать свою, облегченную версию прошлого, закрепив ее традиционным методом строгих предписаний и указаний. О капитальном ремонте вопрос не ставился, шел «косметический» ремонт. Это был тот поверхностный тип критики, который, с одной стороны, не объяснял прошлое, а с другой стороны, вставал барьером на пути действительно реалистической, действительно глубокой критики, способной расчистить завалы на пути научного развития. И потому эта «установочная» критика превращалась в видимость критики. Она не была инструментом обновления, она была инструментом сдерживания новых процессов.

Припомним еще раз ее опорные пункты:

1) «культ личности»! —это всего лишь поднятие одной личности над людьми (а не определенный режим, не определенная система отношений), к тому же это во многом обусловлено ситуацией осажденной крепости и естественным приписыванием лидеру успехов, достигнутых всем народом; ответственность за культ несет сама эта личность и никто больше; к этому прибавляется, что, несмотря на определенный принесенный ущерб, в общем-то «культ личности» ни на что существенно не повлиял, ничто существенно в природе нашего строя не изменил (а кто думает иначе — те «гнилые» люди). Вот таким пустячком, таким малозначащим эпизодом выглядит «культ личности» под пером П.Н. Федосеева. И это после революционного XX съезда! Чему же тут радоваться?

2) Причины отставания философской мысли видятся главным образом в «непонимании» одного, «недооценке» другого, «обеднении» третьего, т. е. в области мысли, а не в той социальной атмосфере, в которой существовала наука, не в административно-репрессивном аппарате «управления» ею; потому ставится задача

не изменения бюрократического механизма функционирования науки, а простой замены одних философских положений другими — на смену системе старых догм приходит система догм новых. Чему же тут радоваться?

3) У руля общественной науки сохраняются все основные действующие лица предшествующего периода, создатели прошлой, тяжелой для науки атмосферы, и вот уже вновь раздаются их волевые, привыкшие к коротким и резким приказаниям голоса: всем! перестраиваться! быстро! немедленно! застоялись, понимаете ли, разбездельничались!

Чему же тут радоваться, когда, не подвергнув себя публичной критике, бывшие научные вожди, заведшие научную армию в глухомань, снова поднимают руководящий жезл и уже покрикивают — как и куда идти. Да, перестраиваться надо всем, но всем — по-разному. Одна перестройка — у «Лысенок», другая — у «Вавиловых»... И незачем их мешать в одну команду и обращаться к ним с одинаковыми призывами.

Нет, давайте перестраиваться таким образом, чтобы с призывами и с программами перестройки в науке выступали, в первую очередь, те, кто и в периоды застоев стремился, жертвуя многим, а то и всем, перестраивать науку и общество. Вот почему важно обращаться к персонажам прошлого, дабы хорошо знать, кто тогда «распространял» «гениальную» «путаницу» и кто в меру (и даже сверх меры) своих сил и возможностей распространял золотые крупички истины. Это нужно не только для восстановления исторической справедливости, но и для того, чтобы знать, на кого можно опереться и на кого можно положиться в первую очередь в непростом деле революционных перестроек.

А не объяснив глубоко прошлое, не поставив задачу слома административно-бюрократического механизма «управления наукой», не выработав поэтому стратегию действительной перестройки научной жизни, сохранив в руководящем наукой «штабе» ядро прежних «научных вождей», трудно ожидать каких-либо серьезных, принципиальных изменений в развитии науки.

Так, к сожалению, и случилось в десятилетии после XX съезда партии. Не получив необходимых импульсов и изменений, наука продолжала буксовать. И что же? Начала ли общественность страны получать из руководящих научных сфер какие-либо тревожные сигналы о состоянии общественных наук? Увы, статьи и доклады П.Н. Федосеева той поры полны неудержимого оптимизма: «теоретическая работа», пишет он, «дает новые выдающиеся образцы научного предвидения на основе марксизма-ленинизма» (1962 г.); «сейчас, как никогда, ярко и конкретно выявляется действие объективных законов социализма и их сознательное использование в изменении общественных отношений» (1959 год); политические руководители «во главе с товарищем Н.С. Хрущевым» дали «работникам общественных наук яркие и поучительные образцы творческого подхода к теории и практике» (1962 год); и, наконец: «принципиально новые теоретические положения и политические установки, выработанные XX и XXI съездами партии, уже получили всестороннюю проверку и полностью подтвердились всемирной практикой борьбы за мир и социализм» (1962 год).

Иначе говоря, это рапорт об успешном завершении перестройки: отставание преодолено, новые идеи разработаны, они уже прошли всестороннюю (!) проверку на практике и полностью (!) подтвердились. Перестройка успешно закончена!!

Но вот почти детективное продолжение всех этих праздничных рапортов. В книге «Коммунизм и философия» есть такое место: «Культ личности противоречит основным принципам социализма, как самого демократического строя», но сейчас он преодолен — «укрепление связей партии с массами, приближение партийных и советских органов к деловой, практической работе на местах, совершенствование руководства всеми участками коммунистического строительства, систематическое повышение жизненного уровня советских людей вызывают новый прилив сил и энергии в каждом коллективе трудящихся на предприятии, в колхозе, в учреждении». Так написано в первом издании книги в 1962 году. А во втором издании книги, вышедшем в 1971 году, в

эту цитату добавлено одно-единственное словечко. В самом начале: «культ личности противоречит...» и т. д. добавлено: «культ личности и субъективизм противоречат» и т. д.

Ну, и что здесь такого, скажет читатель, ну, добавлено одно слово для конкретизации: ведь культ личности связан с субъективизмом — вот и решил автор немного обогатить свою фразу: «культ личности и субъективизм». Не так все просто, читатель! Здесь, в издании 1971 года, «субъективизм» — не просто «слово», «словечко». «Субъективизм» — таким термином стали после 1964 года обозначать линию действия Н.С. Хрущева. И, стало быть, указанное предложение следует читать так: культ личности (И.В. Сталина) и субъективизм (Н.С. Хрущева) противоречат и т. д. Что же, при всем различии их методов мышления и действия, определенное родство действительно между ними имеется: бюрократические извращения, администраторские увлечения были свойственны им обоим, — это не предмет спора. Мы же тут обращаем внимание на одну довольно странную вещь. В книге 1962 года издания про «субъективизм» (Хрущева), про то, что он «противоречит» демократическим принципам, ничего не говорилось. Более того, тогда отмечалось прямо противоположное: говорилось о преодолении «культа личности», и все эти оптимистические констатации об «укреплении» и «расширении» связей с массами относились именно к деятельности руководства «во главе с Н.С. Хрущевым», которая, следовательно, не «противоречила» демократическим принципам. А в 1971 году, получается, та же самая деятельность оценивается уже как противоречащая демократизму, и, следовательно, никаких «укреплений» и «расширений» не было; «укрепление» и «расширение» осуществлялись лишь после 1964 года, в ходе преодоления «субъективизма». Итак, те восторженные слова, которые в 1962 году автор относил к руководству «во главе с Н.С. Хрущевым», теперь без всяких изменений относятся к новому руководству во главе с Л.И. Брежневым. Вот так пассаж!

«Так при ком все-таки «укрепление связей с массами» происходило?» — в недоумении спросит читатель и, пораженный

подобными методами анализа и оценок, вдруг задумается: а можно ли вообще доверять подобным авторским оценкам и происходит ли на самом деле «укрепление связей с массами» в 1971 году: не столкнется ли он в следующем, третьем или четвертом издании книги, с утверждением, что «культ личности, субъективизм и политика застоя противоречат демократизму», и дальше без изменений — об «укреплении» и «расширении», относимым уже к следующему руководству? (А мы удивляемся сегодня недоверию людей к печатному слову, а мы удивляемся сегодня расхождению слова и дела, существованию двойной морали и двойной бухгалтерии!)

Итак, оптимистические оценки начала 60-х годов о развитии демократизма, преодолении авторитаризма, о «выдающихся образцах научного предвидения», прошедших «всестороннюю проверку» и «полностью подтвержденных практикой», оказались несостоятельными. Ну хоть после этого какие-то уроки были извлечены?

Увы, старое начиналось сызнова. Снова сетование на догматизм, начетничество, отрыв от действительности. Снова — нет ответственных, кроме одной личности. Снова — упреки в адрес безымянных авторов, которые занимались приукрашательством, преувеличением экономических успехов и степени самодеятельности народных масс, упреки тем, кто писал о практике глубокого проникновения в объективные законы и твердом следовании им (тогда как именно с объективными законами тогда мало считались), снова — список новых философских формул вместо «путаных», «ограниченных», «обедненных» старых. И снова — скорые бодрые рапорты о преодолении недостатков прошлого и о выходе общественной науки на новые рубежи, по-настоящему связывающие ее с живой действительностью.

Это было точное повторение уже однажды пройденного.

Вот они, эти новые и вместе с тем удивительно знакомые дорожки и тропки, по которым мы уже однажды с вами, читатель, прогулялись.

Вот Петр Николаевич делает новый доклад на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук высших учебных заведений: «XXIV съезд КПСС и основные направления исследований в области общественных наук».

Ну-ка вспомним прежние его схемы: с чего должен начинаться доклад? Да, верно, он именно так и начинается — с осуждения догматизма и схоластики и призыва к «творческому развитию теории», повороту к актуальным проблемам практики.

Что там шло далее? — Ясная «установка», что конкретно и как «творчески развивать», в чем конкретно должен состоять «поворот» к практике и к какой именно «практике». Да, и здесь - вот она, только конкретное содержание рекомендаций иное: «В первую очередь следует выделить... характеристику развитого, или зрелого, социализма, основанную на глубоко научном обобщении опыта социалистического и коммунистического строительства в нашей стране, опыта других социалистических стран, на учете всех факторов, от которых зависит развитие нашего общества. Эта характеристика... позволяет, если так можно сказать, с естественнонаучной точностью определить реальное содержание нынешнего этапа, достигнутого нашим обществом». Итак, характеристика «развитой социализм», как уверяет нас Петр Николаевич, есть результат «глубокого научного обобщения» опыта всех социалистических стран и вообще «всех факторов». Но где же тогда тут место для творчества, если «все факторы» и весь опыт уже глубочайшим образом обобщены? Нам всем остается только открывать рот и с наслаждением глотать этих жареных рябчиков глубочайших обобщений. А чего же ломать голову над тем, в какой точке кривой исторического развития, мы находимся, когда уже руководящими деятелями науки «с естественнонаучной точностью» это определено — мы на этапе «развитого социализма». Впрочем, нет, кое-какие детали еще прописать необходимо — и каждая отрасль обществознания получает свое задание. От экономистов, например, ждут «разработки проблем экономики развитого социалистического общества и создания материально-технической базы коммунизма». Свое «творческое»

задание по шлифовке обладающего естественнонаучной точностью понятия «развитого социализма» получают философы, историки и другие отряды обществоведения.

А вскоре Петр Николаевич, по-видимому, для того, чтобы еще больше стимулировать процесс «творческого развития теории», чтобы дать ему дополнительные, идущие от «живой жизни» импульсы и в то же время обозначить с «естественнонаучной точностью» верное русло исследований, указал:

«Учение о развитом социалистическом обществе — крупный вклад в теорию марксизма-ленинизма»; в развитом социализме «осуществляется гармоничное развитие всех его сторон: экономической, социально-политической и идеологической»; ему присуще «планово организованное и неуклонно растущее народное хозяйство»; здесь «распределение осуществляется по количеству и качеству труда», а «социалистическая демократия получает всестороннее развитие, становится всенародной, охватывает все стороны жизни общества», «национальные отношения развиваются в направлении полного единства наций».

Вот так широко и четко, опираясь на реальные процессы «живой жизни», развернул Петр Николаевич программу основных направлений поистине творческого развития общественных наук. Не утаил он и образцы, которым должны следовать и которым должны — если смогут — подражать обществоведы: «Блестящим образцом органического соединения высокой идейности с повседневной жизнью и деятельностью, высоким эталоном неразрывной связи» и т. д. и т. п. являются... Да, вы угадали — «Малая земля» и «Возрождение»...

Ну, а после всего этого пришла пора революционной перестройки 80-х годов, и своей статьей «О перестройке работы в области общественных наук» («Вопросы философии» 1987, № 5) Петр Николаевич как будто бы готовится к новому витку спирали.

Нет, право, сколько же в Вас жизненной энергии и оптимизма, Петр Николаевич! Вы поистине достойны восхищения!

Что делать?

Если кратко и главное — сломать механизм торможения. Для этого, конечно, надо хорошо понять, что это за механизм, научиться распознавать его — в какие бы «перестроечные» одежды он ни рядился, представлять, как ломать и что создавать вместо.

Собственно, выше мы с вами и познакомились не с чем иным, как с этим самым механизмом торможения в деле, с его приемами, методами, результатами работы. И это знакомство, надо думать, нам весьма и весьма пригодится сегодня. Встречая нечто подобное в наши дня, мы сможем уже достаточно уверенно утверждать: «Маска, я вас знаю!» И все же: чтобы знать, как ломать, насколько важна и сложна эта работа, — для этого надо ясно представлять себе не только манеру действий, но и природу, сущность этого механизма, надо знать характер и масштаб противостояния сил перестройки и торможения.

Вопросы все это новые и по разным причинам не простые. Основательный ответ на них предполагает разработку новых взглядов на некоторые важные моменты истории нашего общества, его экономические и политические механизмы, его социальную структуру и т. д. и т. п. — громадный труд, посильный лишь общественоведению в целом. Но несколько методологических замечаний — достаточных для этой статьи — можно уже сформулировать и сейчас.

«Торможение» — антипод «перестройки». Эти два явления могут быть поняты только вместе, только в соотношении, только в диалектическом единстве. И вот, чтобы изначально встать на верный в методологическом отношении путь анализа, следует избежать одной, довольно часто встречающейся, но, на наш взгляд, не вполне точной версии перестройки. Так, необходимость перестройки иногда выводят из «ошибок», «промахов», «неудач», допущенных в предшествующий период.

«Ошибки» — да, они существенно повлияли на форму, тип, характер, на вес содержание нынешней перестройки. И все-таки не с «ошибок» начал бы я анализ: «ошибки», несмотря на всю их

важность,— все-таки второй ряд причин, а первый, более глубоко лежащий, ряд причин - иной.

Перестройка — это в первую очередь процесс приведения всех общественных отношений в соответствие с изменившимися производительными силами общества, с изменениями в его социальной структуре, в сфере культуры и т. д. Она была бы необходима (конечно, значительно раньше и, разумеется, в иной форме), даже если бы не было сделано ни одной «ошибки». Перестройка была бы непростым делом и без предварительных «ошибок», ибо она предполагает ломку сложившихся в обществе структур, пересогласование интересов социальных групп, сформировавшихся на основе прежних общественных структур; она связана с возникновением социальной напряженности и борьбы между группами — теми, кто был более вписан в прежние структуры, более сращен с ними и в силу этого чувствовал себя комфортно именно в этих традиционных структурах, и теми, кто связан с новыми, потребностями, с нарождающимися новыми экономическими и культурными структурами. Логикой исторического развития на повестку дня ставится вопрос о новом уровне и новом характере требований, которым традиционные группы уже не в полной мере соответствуют. Речь, стало быть, идет и об изменении привычных типов деятельности - на всех уровнях — от самого «низа» до самого «верха»; идет смена лидеров на всех этажах общественной лестницы. Процесс непростой и болезненный.

Так было, например, в период перехода нашего общества от военного коммунизма к новой экономической политике, от периода гражданской войны к мирному строительству, когда шла смена ближайших ориентиров и приоритетов. Молодые революционные бойцы, героические ниспровергатели старого мира с трудом усваивали новые лозунги: Учиться! Овладеть богатством культуры прошлого! Или совсем «невозможный» для многих героев гражданской войны призыв: «Коммунисты, учитесь торговать, учитесь хозяйствовать». Сколько драм и трагедий случалось на этих переходах — не просто личных, но трагедий

целых социальных групп и слоев. Какое «потрясение» испытали многие молодые революционеры Европы, когда на III конгрессе Коминтерна их революционный вождь В.И. Ленин «вдруг» призвал их быть «пооппортунистичней», когда встала задача перейти от штурма враждебной капиталистической крепости к ее постепенной осаде, к окопной войне.

Мы в давнем и недавнем прошлом не очень хорошо представляли себе механизм развития своего общества, механизм переходов его с одной ступени на другую. Мы нередко чертили в своих головах и книгах плавно восходящие вверх линии, тогда как в действительности это — узловые линии (с «узлами» перестроек), и не всегда прямые, и не всегда идущие вверх, но иногда — зигзагом, в сторону, а в некоторые моменты и — назад.

Сейчас становится все более очевидной закономерность развития нашего общества — через рубежи периодических перестроек.

Мы повторяли слова К. Маркса о том, что в будущем обществе социальные эволюции перестанут быть политическими революциями, но то, что эти «эволюции» будут непростыми, конфликтными (а в случае запозданий и ошибок — остроконфликтными), — об этом мы мало задумывались. А задумываться надо, потому что нам необходимо овладеть механизмом перестроек, дабы они не выливались в кризисные ситуации, в ситуации катастрофического типа. В этой необходимости приведения в соответствие общественных отношений с изменениями в производительных силах и социальной структуре общества и состоит, таким образом, самая глубокая причина перестроек — этих форм социальных скачков.

А теперь пришла пора подключить к нашему анализу тему «ошибок» предшествующего периода и их воздействие на тип, формы и характер перестройки. «Ошибки» (мы берем этот термин в кавычки, ибо он не что иное, как сокращенное обозначение тех крупных недостатков и застойных явлений, которые были в прошлом). «Ошибки», повторяем, обусловили то, что процесс нынешней перестройки принимает особо острый характер — и в

этом свете ее революционная суть становится особенно зримой. Суть этих «ошибок» в давнем и недавнем прошлом — постоянные запоздания с началом перестроек, недостаточное использование складывающихся объективных возможностей более быстрого движения к новому типу исторического развития. Механизмы общественного управления и развития утрачивали гибкость, терялась их обратная связь с практикой, не формировался механизм, нацеленный на периодическое осуществление перестроек. В результате дело подчас доходило до сложных и напряженных ситуаций — и только тогда возникало осознание необходимости перестраиваться. Так было в 1953 — 1956 годах, в 1964—1965 годах, так случилось и в начале 80-х годов. Особенно серьезное запоздание произошло в 1970-е годы: бюрократические механизмы управления, выросшие на прежних социальных структурах, сковывали общественное развитие. Мощные социально-политические тормоза загораживали путь к ставшему уже возможным переходу к новому типу развития. Перестройка и поставила задачу — снять эти тормоза, перейти к новому, гуманистическому типу развития, в центре которого человек.

Что же конкретно означает этот «поворот к человеку», как описать его на языке политэкономии, политики, науки об общественном сознании?

«Поворот к человеку» осуществляется через цепочку взаимосвязанных изменений в трех главных сферах: в сфере экономической, где ставится задача реализации, полного раскрытия общественного характера собственности, а области политических отношений — это всемерное развитие демократии и самоуправления, и в сфере общественного сознания — формирование новой психологии и шире — нового мышления. Речь идет о сдвигах действительно революционного типа. В самом деле, возьмите хотя бы «вопрос о собственности». Известно, что простое провозглашение, простое декретирование «отмены» частной собственности еще не превращает ее в собственность общественную. Общественный характер собственности проявляется, реализуется только через систему отношений людей

— такую, в которой человек чувствует себя, является на деле не только номинальным, но реальным хозяином.

И вот в ряде секторов нашего хозяйства, поскольку там не была сформирована в должной мере подобная система отношений, придать собственности общественный характер далеко не всегда удавалось. Собственность в этом случае, как отмечалось Горбачевым на январском Пленуме ЦК КПСС, выступала как бы «ничейной» собственностью. Впрочем, свято место пусто не бывает. В особенности такое «свято место», как собственность. Появились и начали расти группы людей, которые стали превращать эту «как бы ничейную собственность» в объект своего распоряжения и извлечения нетрудовых доходов. И вот уже в нашем «спартанском» обществе, где абсолютное большинство населения привыкло в течение многих лет к суровой экономии и сознательным ограничениям в личной, материальной жизни, стали появляться какие-то невероятно богатые люди, владеющие миллионами и крупной недвижимостью. Кстати, к кому они, эти внезапно выросшие на отечественной почве миллионеры, чувствуют большую близость — к миллионерам-собратьям за рубежом или к трудящимся своей страны и всего мира? Я думаю, этот вопрос тоже не следует упускать из виду, размышляя о революционных красках нашей перестройки.

«Ошибки», не позволявшие в полной мере и везде реализовать общественный характер собственности, «ошибки», приведшие во многих случаях к подмене демократических институтов бюрократическими, к падению гласности,— не просто «несколько приостанавливали движение нашего общества, не просто несколько меняли срок достижения нами высоких исторических рубежей, они меняли **качество** нашего движения, нашего пути. Ведь с чем «опаздывали»? С разрешением противоречий. А известно, что если назревшие социальные противоречия не разрешаются, в обществе появляются и начинают разрастаться застойные явления, начинается омертвление и перерождение отдельных участков ткани общественной жизни. А на базе этих явлений застоя, на основе перерождающейся ткани формируются и

социальные силы застой, сопротивление которых обновлению тем сильнее, чем длительнее был застой.

Вот почему с такой твердостью нашей перестроечной общественностью и была сформулирована задача: сломать механизм торможения, механизм застоя.

А сломать — это означает в первую очередь обеспечить развитие действительной демократии, самоуправления народа, гласности. «Демократия — суть перестройки», — таков важнейший тезис современной перестроечной стратегии.

Но сегодня очень важно переводить принципиальный, стратегический курс в конкретные дела, находя наиболее совершенные и действенные формы развития демократических начал применительно к тому или другому участку деятельности общества.

В этом контексте и следует отвечать на вопрос: что конкретно означает «демократизация науки» (без чего, между прочим, невозможна и «демократизация политики»)?

Ответ этот отнюдь не лежит на поверхности, ибо здесь надо учесть целый ряд усложняющих дело факторов.

Ну прежде всего нельзя рассматривать науку как сферу чистого знания. Ибо магистральный путь развития научного знания — через его воплощение в практику. Наука и производство, наука и практика становятся единым, неразделимым комплексом. А современное производство и шире — современная практика — есть во многом сфера политики, сфера политических решений. Поэтому, если мы хотим понять, что означает процесс «демократизации науки», мы должны, двигаясь, как обычно, ступенька за ступенькой, рассмотреть вначале вопрос о демократизации, науки, как сфере производства знания (ибо прежде чем двигаться к практике, надо иметь что-то, с чем можно в ней двигаться, что можно в ней воплощать). Здесь есть своя специфика у демократии (например, здесь в ходе поиска учеными объективной истины не действует знаменитый принцип «подчинения меньшинства большинству» и т. п.). Свои принципы

и формы демократизации содержит комплекс «наука — практика», «наука — политика».

В такой последовательности и коснемся названных вопросов.

Мы уже отмечали, что главная беда в развитии общественных наук (и философии в том числе) заключается не собственно в догматизме и вообще не в области методологии, теории. Опасен не догматизм сам по себе, не его теория и методология сами по себе. Опасен, мы говорили, догматизм, **поддерживаемый методами административного и политического воздействия**. Вот эти-то методы и способы и должны быть устранены прежде всего, что во многом и создает предпосылки для демократизации процесса добывания научного знания, движения к объективной истине.

Объяснимся определеннее.

Догматизм, как известно, — это твердое и неуклонное следование принципам вне зависимости от изменений действительности. Это, конечно, плохо! Но лишь тогда, когда доказано, что действительность так изменилась, что прежние принципы в прежней форме уже не работают. Но это, повторяем, должно быть доказано — и не иначе как в результате серьезной и напряженной теоретической работы и, может быть, острой, а порой и отчаянной полемики.

Ведь само по себе стремление держаться проверенных прошлой практикой принципов и не зазорно, и не догматично. Разобраться в том, что догма, а что — нет, иногда невозможно без долгих дискуссий, проверки теоретических положений практикой. Теория с необходимостью развивается через противоречие традиционного и новаторского. Теория развивается, прокладывая пути от традиционного к новому, в ней постоянно идет этот живой процесс соединения прошлого с новым; границы, масштабы, способы этого соединения подвижны, неоднозначны, каждый раз — различны. Потому в ходе развития теории, особенно в его переломные моменты, с неизбежностью возникают тенденции мышления, делающие больший акцент на традиционном, и тенденции, делающие акцент на новизне, то есть тенденции, способные увести к догматизму, с одной стороны, и

ревиизионизму, с другой. Но истину, как и наличие ошибок, можно выявить, повторяем, лишь в ходе и в атмосфере свободной теоретической дискуссии, в постоянном сопоставлении теории с развивающейся практикой.

Догматизм, как и его противоположность — ревиизионизм, не страшны, если люди науки имеют возможность свободно и публично вести дискуссию и развивать свои взгляды. Догматизм невозможно победить административными решениями или постановлениями. Иным путем, кроме как через механизм науки эти сложности в развитии теории не преодолеешь. Следовательно, первой и главной заботой людей, пекущихся о развитии научного знания, должна быть забота не о том, чтобы «догматизма (или еще чего-то плохого) не было», а о том, чтобы **была создана атмосфера демократии, свободы, гласности, в которой только и может существовать, должна развиваться наука.** В такой атмосфере прямой, открытой полемики, постоянно обращающейся к показаниям практики, будут (не без труда, конечно) отпадать ложные и ошибочные ходы. Ясно поэтому, что задача «организаторов», «руководителей» науки и состоит в поддержке, поощрении и защите такой атмосферы.

Могут сказать: ну, а если в этой дискуссии будут верх брать ошибочные идеи («догматизм», «ревиизионизм» и т. п.) — разве не следует предпринять административное вмешательство? Но простите, а кто определит верность или ошибочность научных идей? Неужели какая бы то ни было администрация располагает способами различать истинное и ложное, которые не доступны ученым? Неужели администрация, а не практика должна выступать в качестве критерия истины? Если бы так, зачем же делать двойную работу: сначала — ученые, а потом — глубже их понимающая дело и направляющая их администрация? Лучше уж сразу сами администраторы обеспечат развитие научного сознания, тем более, что они, по мнению некоторых, не способны ошибаться.

Нет, ложные в научном отношении взгляды могут быть по-настоящему преодолены только научными же методами и никакими другими. Миссия администрации весьма высокая:

обеспечить и нормальное функционирование науки и добросовестную проверку научных выводов практикой. Вмешательство политической администрации оправданно только тогда, когда какая-либо научная школа попытается обеспечить свое господство административными методами.

Настоящий ученый не боится «догматиков», полагающих, что надо и сегодня думать и действовать по-старому. Пусть изложат свои взгляды, пусть приведут развернутую аргументацию. Их миссия тоже важна – это необходимое науке сопротивление. Честная полемика с добросовестными «староверами» очень полезна «обновителям»: новые положения проходят проверку на прочность. Без такой «лояльной оппозиции» невозможна нормальная жизнь науки.

В ответ на требования широкой демократии некоторые глубокомысленно заявляют: «наука не дискуссионный клуб». И очень ошибаются: наука именно и есть дискуссионный клуб, гигантский дискуссионный клуб.

В связи с этим еще об одной стороне дела, где должна быть большая ясность, - о вопросах демократизации комплекса наука-практика, наука-политика. Их часто поднимают практики, политические работники. Хорошо, говорят они, предположим, у ученых идут дискуссии. Различные школы, выясняя сильные и слабые стороны друг друга, не приходят пока к единому общему решению. Они могут еще долго спорить, а вот нам надо уже сегодня, сейчас решить: сажать кукурузу или нет, применять пропашную систему или травопольную, понимать целину в таком-то районе или воздержаться, строить атомные электростанции или отказаться и т. д. и т. п., мы не можем ждать десятилетия, пока ученые все до конца выяснят: как же быть нам?

Законный вопрос и законное требование. Только это уже не область «чистой» науки, а область практики-политики, точнее, область, где наука соединяется с практикой, с политикой. И тут конечно, несколько иные критерии и нормы демократической деятельности. Здесь мы и подходим к весьма непростой проблеме о взаимоотношении политики (практики) и науки. Дело в том, что

политика – это не только наука, но и искусство. Она – наука, ибо ее строить надо на научной основе. Но одновременно политика – это практическое действие, которое нередко предпринимается в условиях, когда научные школы дают разные (иногда – прямо противоположные) рекомендации или когда, в силу сложности и многообразия конкретных обстоятельств, невозможно строго научно просчитать все возможные следствия принимаемых решений. Как поступать, чем руководствоваться в этих условиях политику, человеку практических действий?

Проблема, над которой размышлял еще Кант. Его антиномии, взаимоисключающие утверждения, и были классическим выражением ситуации, когда наука по данному вопросу на данный момент не в силах выдать однозначного решения. И когда надо действовать и принимать определенные решения, человек должен, по мнению Канта, обращаться за помощью уже не к теоретическому разуму (полезному лишь в сфере научной дискуссии), а к практическому разуму, который должен бросить какой-то дополнительный аргумент на одну из уравновешенных чаш весов научного знания. Вот эта ситуация и есть сфера искусства, где большую роль играют интуиция, чутье и т. п. Кант связывал эту интуицию с нравственным началом. Он предлагал в ситуации равновесия научных аргументов обращаться к голосу нравственности – моральный фактор бросать на одну из чаш колеблющихся весов. Любопытное решение! Но все же ставить при выборе во главу угла таинственную нравственную интуицию — дело ненадежное. Сегодня хотелось бы иметь более серьезные основания для того или иного практически-политического выбора, а также более отработанные механизмы выбора. Однозначного рецепта нет.

Принимая практическое решение, политик может выбрать позицию одной из научных сторон, исходя, например, из того, что за нее большинство ведущих ученых; а может не посчитаться с большинством и остановиться на точке зрения меньшинства, исходя, скажем, из того, что на стороне меньшинства — ученые, проницательность которых уже неоднократно подтверждалась

предшествующей практикой; может, наконец, способствовать выработке учеными компромиссного решения и т. п. Единого рецепта, повторяю, тут нет. Но что совершенно необходимо и обязательно для политика — это, реализуя на практике одну из научных позиций, помнить о ее неполноте, о ее дискуссионных, не до конца выверенных сторонах, о возможной ее недостаточности. Претворяя в жизнь определенные научные рекомендации, мобилизуя людей на их реализацию, политику надо постоянно держать руку на механизме обратной связи «практика — теория», все время контролировать, что показывает практика, подтверждает она сделанный научный выбор или нет, подтверждает она его полностью или частично. Под влиянием голоса практики политик всегда должен быть готов к уточнениям, исправлениям выбранной им линии. При этом после того, как осуществлен политический выбор, представителей другой научной точки зрения («научную оппозицию») вовсе не должно отстранять от дел, как то нередко случалось в прошлом, напротив, есть смысл именно их активно привлекать к контролю и анализу процесса реализации идей противоположной научной школы. Не «чернить» научных оппонентов, а предоставлять им право вести самую широкую критику практической реализации научных положений! И как знать, не заставит ли практика пересмотреть первоначально негативное отношение к их позиции? К таким поворотам политику надо быть готовым и не рассматривать их как ЧП. И как знать, с другой стороны, не убедится ли названная «оппозиция» в своей неправоте и не признает ли правоту своих оппонентов? В нормальных условиях тут не должно возникать братоубийственных коллизий.

Добиться гибкой, безотказной, совершенной работы этого механизма обратной связи «практика — теория» — одна из важнейших забот политического руководства. Вяжемся, провозглашали умудренные политики, а потом разберемся. То есть: «вяжемся» в практическую борьбу — на основе предварительного теоретического анализа и научных представлений, а затем, сообразуясь с голосом практики,

сопоставляя теоретические прогнозы с ходом практической борьбы, «разберемся» (уточним свои «программы», подходы, лозунги и т. д.). Искусство политика и есть во многом искусство обеспечения указанной обратной связи. Догматизм в политике состоит в том, что, принимая политическое решение, считают делом чести довести его реализацию до последней намеченной буквы: это даже считается «железной последовательностью», «сильной политикой». Но поскольку решение — всегда огрубление действительности, поскольку оно всегда беднее ее, поскольку в решении можно отобразить лишь важнейшие принципиальные тенденции, поскольку в нем невозможно предусмотреть все богатство, все переплетения реальных связей и отношений, то попытки его безусловной реализации вплоть до последней буквы означают часто — ломать, что называется, через колено, никаких маневров и обходных путей, ломить, пока не упруешься лбом в стену, пока не выскочишь вдруг на самый край пропасти... Мудрый же политик — тот, кто способен по едва заметным показаниям практики быстро и решительно вносить коррективы в теорию. Для него наука выступала как средство, инструмент преобразования действительности, а действительность, в свою очередь, как средство, инструмент постоянной корректировки научного знания.

В деле революционного преобразования действительности для такого политика теория является лишь руководством к действию, а не предусмотревшей все священной книгой. И речь при этом вовсе не идет о политике сугубо прагматического характера, о политике, определяемой от случая к случаю. Речь идет только о том, что при сохранении, общей направленности исторического течения уметь своевременно и гибко — в соответствии с особенностями конкретной борьбы — менять его русло.

Иначе говоря, у такого политика идеи перестроек рождаются не тогда, когда движение упирается в тупик, а когда возникают первые признаки торможения. И дело не только в политическом чутье, которое должно быть присуще умному политику. Охватить все богатство связей и отношений социальной действительности, оценить их специфику и особенности — не под силу никакому

гениальному человеку. Дело тут в первую очередь в том, что подобный политик вместе со своими соратниками стремится сформировать такую атмосферу общественной жизни, когда миллионы и миллионы людей рассматривали бы дела страны как свои собственные, когда бы «все знали обо всем» и реально участвовали в управлении — когда вследствие этого постоянно, со всех сторон и со всех уровней шли ясные и правдивые сигналы о ходе реализации общих планов и программ, когда эти сигналы своевременно и компетентно обобщались, когда в соответствии с ними можно было быстро и решительно вносить коррективы в маршруты нашего движения.

Иначе говоря, политический догматизм — это не демократизм. Политическая диалектика, политическое творчество - это всесторонне развитая демократия.

И еще. Политик не просто «практик» в отличие от ученого-«теоретика». Политик в реальной жизни соединяет диалектические противоположности — науку и практику (хозяйственную, культурную, социальную), обеспечивает их взаимодействие и обратную связь и тем способствует как развитию науки, так и совершенствованию практики. Умение не на словах, не в книжках только, но в реальной жизни соединять противоположности в этом состоит высшее искусство политика.

Деятельность политика не должна повторить, дублировать и тем более подменять деятельность ученого. Поэтому, между прочим, в политических документах не должны решаться вопросы конкретных наук. Политический документ ведь не учебник и не исследование по истории, философии, научному коммунизму, политической экономии и т. д. К сожалению, в некоторые периоды нашей истории политические документы претендовали на роль высшего научного законодательства и большинство ученых покорно соглашалось с этим, и в итоге занятия этих ученых сводились к повторению и комментированию политических формул. Выдвигать в сфере общественных наук положения, которых не касался политический документ, было нередко безнадежным делом. Наверное, каждый ученый-обществовед

может припомнить не один случай, когда обладающий правом «пущать» и «не пущать» его в печать редактор издательства или журнала, сталкиваясь с «неизвестной» формулировкой, категорически требовал: «Покажите политический документ, где было бы записано это положение». Иначе говоря, критерием истинности научного положения было присутствие или отсутствие его в том или ином политическом документе. Прекрасные предпосылки для «творческого развития теории», не правда ли? Разумеется, страдала не только теория, сама политика переставала питаться соком подлинной науки и быть научной политикой.

Это не парадокс, а очень простая и много раз проверенная жизнью истина чем более научной желает быть политика, тем меньше ей надо подниматься «над» наукой, тем меньше ей надо подменять науку собой.

Вообще демократия и диалектика связей «наука — политика — практика» предполагают два момента: во-первых, ясное определение специфической функции каждой из этих сфер человеческой деятельности, т. е. их различия, и, во-вторых, выявление их единства как единства разнообразного. Они — различны, у них своя арена, свои способы и методы, и ничего, кроме беды, не приносит, позиция, когда ученый высокомерно полагает, что его специфических научных способов и методов достаточно, чтобы умело решать любые политические проблемы, или когда политик с не меньшим высокомерием убеждает, что его политический подход способен обеспечивать решение запутанных научных проблем. Каждому — свое.

Но они — и едины, они не обладают абсолютной самостоятельностью, они только моменты целостной деятельности общественного человека. И поэтому они должны взаимодополнять друг друга. Без этого взаимодополнения, без взаимоперехода друг в друга они не только не могут обеспечить действительного успеха общей социальной деятельности, но и успеха в развитии своей сферы. Вот почему люди, специализирующиеся в одной из сфер деятельности, должны быть и достаточно квалифицированными «смежниками»; ученый, оставаясь ученым, должен уметь мыслить

политически, должен уметь хорошо слышать голос практики; а политик — голос науки и т. д. Они, повторяю, должны не подменять друг друга, но — быть открыты друг для друга и совместными усилиями, взаимодополняя друг друга, согласовывая — демократически, диалектически — свои задачи, вести работу по преобразованию действительности.

Итак, в заключение, еще раз: **Что делать? — Ломать механизм торможения в науке и политике, что означает развивать диалектику в науке и демократию в политике и экономической практике, отдавая себе отчет в том, что демократия — это и есть не что иное, как политическая диалектика, а диалектика — демократический способ мышления и развития науки.**

Какой счет?

В отличие от первых двух этот вопрос как будто бы не требует слишком пространного ответа. И все же...

Нас долго приучали к мысли, что наш путь — одни сплошные победы, что мы просто обречены идти от успеха к успеху. Мы побеждали историю, мы были ее с крупным счетом, под ноль. Почти без промахов, неудач и ошибок.

И тут пришел XXVII съезд. Тревожно прозвучало: «застой», «торможение», «факты коррупции, бюрократизма, взяточничества», «распространение двойной морали», «невыполнение планов», «сложная экономическая ситуация» и т. д. и т. п. И послышались некоторые растерянные голоса с несколько паническими интонациями: не мы историю, а она нас бьет — и с крупным счетом...

Не надо крайностей, побольше хладнокровия и выдержки! Процессы идут, конечно, весьма и весьма непростые, но отнюдь не неожиданные и не невероятные для честно и добросовестно думающих людей, в том числе для тех, кто стоит на позиции творческого (не вульгарного, не догматического) марксизма. Сложный маршрут, противоречивую логику развития социалистической революции предсказывал еще Маркс — свыше ста лет

тому назад. «...пролетарские революции...— писал он,— постоянно критикуют сами себя, то и дело останавливаются в своем движении, возвращаются к тому, что кажется уже выполненным, чтобы еще раз начать это сызнова, с беспощадной основательностью высмеивают половинчатость, слабые стороны и негодность своих первых попыток, сваливают своего противника с ног как бы только для того, чтобы тот из земли впитал свежие силы и снова встал во весь рост против них еще более могущественный, чем прежде, все снова и снова отступают перед неопределенной громадностью своих собственных целей, пока не создается положение, отрезающее всякий путь к отступлению, пока сама жизнь не заявит властнее... Здесь роза, здесь танцуй!». Кажется, что это написано сегодня. Имение так: мы возвращаемся к тому, что казалось уже выполненным, чтобы еще раз начать это сызнова. До победы еще, ох, как далеко, нет еще даже перелома к ней. Но инициатива силами перестройки захвачена.

Однако итоги подводить рано. Все решит борьба!